

Промышленные товары, предназначенные для работников целинных земель, зачастую оседают в областных и районных центрах.

К Р О К О Д И Л

ПОДПИСИ МИРА

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Сотни миллионов людей подходят к листам Мира и ставят на них свои подписи.

Люди твёрдо берут в руки перо. Они чётко пишут своё имя. Они делают это с волнением. Они знают цену подписи. Это не просто росчерк на бумаге. Это — обязательство бороться против войны, против агрессии, против атомного оружия.

В каждой подписи честная мысль, моральная сила, политическая зрелость.

— Это только пропаганда! — кричат враги мира в капиталистических странах. — Это только бумага!

Мы говорим врагам мира:

— Если это «только пропаганда», то почему судорогой страха и злобы искажены ваши лица?

— Если это только чернила на бумаге, то почему ваша полиция, ваша продажная печать бросаются на каждого мирного и простого гражданина, который хочет и своё имя присоединить к миллионам подписей?

— Почему вы готовы ошельмовать, лишить работы каждого, кто, не боясь вас, подписывается на листе Мира?

Вы судите по себе: это ваша подпись ничего не стоит. Это вы превращаете международные договоры в бумагу, испорченную чернилами!

Подпись честного человека, борца за мир, бесценна. Подпись обанкротившегося спекулянта ничего не стоит.

Вы это знаете. Но вы тащите за шиворот старых французских сенаторов, чтобы они своими именами скрепили соглашение о продаже свободы и независимости.

Лагерь мира может за месяц собрать сотни миллионов подписей. В этом его огромная историческая сила.

Лагерь войны в течение года с лишним не может набрать сотни подписей под листами войны, под ратификационными грамотами по парижским соглашениям.

Доллары и угрозы пущены в ход, чтобы горсть парламентариев решила обесчестить свои имена, поставив их под позорными документами агрессии и войны.

Подпись подписи рознь.

Подпись на листе Мира значит:

— Я протестую против войны, против атомной бомбы! Я отдам все свои силы, чтобы сорвать преступный заговор против человечества!

Это не «только пропаганда», это не только «слово». Это мобилизация всего прогрессивного человечества. Это тесная дружба всех честных людей в борьбе против поджигателей войны. Это великая и благородная идея, овладевшая массами и ставшая реальной силой. Это — великое слово, которое стало великим делом.

Вы боитесь наших подписей. Ваши глаза блудливо бегают, ваши подлые души дрожат, как осиновый лист. Вы хотите быть свободными от всяких обязательств перед народами.

Евангелистский Иуда-предатель, ваш духовный отец, не расписывался в получении тридцати сребренников. Ему поверили на слово те, кто его купил. Но вы требуете от ваших иуд, чтобы они подписались под ратификационными грамотами — свидетельствами обмана и измены. И вы угрожаете колеблющимся: «Подпишитесь, чего вам стоит, ведь это только подпись».

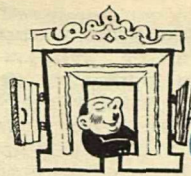
Вы привыкли подписывать фальшивые векселя и на бирже и в политике.

И вы, специалисты по наглой демагогии, по лживым посулам, по обману народов, трепещете перед новым для вас явлением: перед подписями честных людей. Вы знаете, что это не «только пропаганда», что это — великое, всемирно-историческое движение народных масс, решивших сорвать ваши бесчестные и кровавые планы.

Когда на грязной бумаге ставит свою подпись какой-нибудь Аденауэр, народы с презрением отворачиваются от этого позорного зрелища. Цена такой подписи — грош.

Когда на чистом листе Мира свою подпись ставит НАРОД, агрессоры знают: это подпись на обвинительном приговоре им.

Народам мира принадлежит право суда над преступниками и право возмездия за преступления. Это скрепляется миллионами подписей на листах, которые войдут в золотую КНИГУ МИРА.

Од самым окошком

Началось всё с того дня, когда в артели имени Калинина колхозники заговорили о кукурузе. Председатель артели Иван Михайлович Архипов имел о ней самое смутное представление и поначалу не обратил внимания на разговоры.

Но когда до него долетали слова «высокоурожайная», «высокопродуктивная», он настораживался. Стал прислушиваться и присматриваться.

«И в газетах о ней пишут и на собраниях говорят!.. Не иначе, как очередная кампания!»

Ещё будучи на административном посту в райсельхозотделе, Иван Михайлович научился почитать всякие кампании. А тут чуть не опростоволосился. Осознав свою оплошность, он тут же предложил кукурузу руку и сердце, хотя, в полном смысле слова, не знал, с чем её едят...

В самом этом факте нет ничего предосудительного. Мы знаем немало примеров, когда любовь к кукурузе приносит самые радостные результаты. Кукуруза отвечает колхозникам взаимностью, радует их сердца прекрасными урожаями, даёт и сочные корма, и зерно.

Верховские колхозники тоже охотно взялись за выращивание новой зерновой культуры. Председатель приходил на кукурузный участок и осуществлял руководство:

— Ну как? Пашете? Правильно делаете. Пашите, но только, чтобы по-хорошему.

— Ну как? Культивируете? Правильно делаете. Культивируйте, но только, чтобы по-хорошему.

Так, постепенно, при повседневных заботах колхозников и под руководством Ивана Михайловича, кукурузный участок зазеленел. Кукуруза быстро росла, тучнела, её могучие зелёные стебли шуршали на ветру.

И пришёл день, когда председатель сказал сам себе:

— Пора!

Вооружившись кухонным ножом и железным метром, он отправился на кукурузный участок. Здесь он отмерил один квадратный метр земли. На отмеренном квадрате срезал стебли кукурузы под самый корень, аккуратно перевязал их верёвочкой и потащил домой. Взвесив сноп на безмене, он уселся за расчёты. Сперва Архипов припомнил, сколько квадратных метров содержится в гектаре. Затем помножил вес кукурузного снопа на количество квадратных метров. Получилась цифра 400.

Таким образом, председатель колхоза безошибочно определил, что с каждого гектара кукурузного поля он снимет 400 центнеров зелёной кормовой массы. Теперь оставалось выяснить: хороший это урожай или плохой?

Агроном тов. Козакова разъяснила председателю, что урожай в 400 центнеров, несомненно, хороший, но, чтобы достичь такой цифры, потребуются напряжённая и слаженная работа всего колхоза, особенно во время уборки.

— Ладно, ладно! — отмахнулся председатель. — Следить за тем, чтоб урожай был убран во-время, — это ваше дело... А моё дело — позаботиться о том, чтобы наш опыт стал известен заинтересованным организациям.

Со своим делом Архипов справился неплохо. В газеты полетели статьи: «Иван Михайлович Архипов выращивает 400 центнеров кукурузы с гектара!»

Художники, приглашённые из города, чертили диаграммы и соорудили стенды, посвящённые опыту Ивана Михайловича Архипова.

Председатель гигантскими шагами вырывался в знатные. Поначалу заговорив сам о себе, он дождался того, что о нём заговорили в райисполкоме и в райкоме партии.

— Как-никак, а Иван Михайлович занялся кукурузой одним из первых в районе!

— И ведь урожай какой получил! 400 центнеров с гектара! Не шутка!

— Придётся выдвинуть его на районную сельскохозяйственную выставку.

— Да уж что там на районную! Такие достижения заслуживают быть экспонированными на областной выставке.

Иван Михайлович шёл в гору! И вот уже на сессии Орловского облсовета сам заместитель председателя облисполкома тов. Якушев берёт слово.

— Товарищи! — говорит он. — Я хочу сообщить вам о радостном событии. В колхозе имени Калинина, Верховского района, проведён ценный почин. Председатель колхоза Иван Михайлович Архипов, заложив кукурузный участок, получил 400 центнеров зелёной массы с каждого гектара...

Слава — как снежный ком. Она катится, всё больше обрстая и увеличиваясь. Но такая слава и непрочна, как снежный ком. Натолкнётся на самое лёгкое препятствие и рассыпается грязноватым снежком...

В областном управлении сельского хозяйства решили создать книгу об опыте Архипова. В колхоз командировали агронома М. П. Ретинскую. Каково же было удивление будущего автора книги, когда кукурузу она обнаружила в поле под снегом, в полусгнившем состоянии!

Шесть гектаров кукурузного участка были попросту не кошены. С двадцати двух гектаров не заложили на силос ни одного стебля. С восьми гектаров собрали кукурузы на семена немногим больше 20 килограммов...

А ведь урожай был и впрямь неплохой. Хотя и не 400 центнеров с гектара, как об этом раструбил Архипов.

Кто же погубил и погноил кукурузу? С какого потолка была взята рекордная цифра 400? Об этом Архипов ничего путного сказать не мог.

Колхозники оказались более осведомлёнными. Они точно знали имя, отчество и фамилию виновника и назвали его:

— Иван Михайлович Архипов...

Погрызши в шумихе и саморекламе, председатель колхоза забыл о кукурузном участке. Людей из «кукурузной бригады» то и дело отрывали на другие работы. И никто не заметил, что в поле кукуруза гибнет.

Не заметили этого и районные руководители, хотя кукурузный участок находился тут же, почти под самым окошком у райкома и райисполкома.

Только теперь всполошились верховские руководители. Они честят Архипова на чём свет стоит. Дескать, опорочил он важнейшее политическое мероприятие, уронил его в глазах колхозников всего района.

Подвёл Архипов районные организации. Впрочем, и они его подвели не на шутку. Ну что им стоило почаще в окошко выглядывать? Тогда бы они Архипова во-время подправили. И себя б не ославили...

Н. ГОЛОВИН,
Н. ДАВЫДОВ

Рисунок Л. ГЕНЧА.

Метал громы...

...и молнии.

ТРУБЫ без ДЫМА

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Уха с канителью

Николай Петрович Кучеров не был поклонником изысканной пищи: ананасов к обеденному столу не требовал, не горел страстью к супу из плавников акулы, не настаивал, чтоб его поили кокосовым молоком. Будучи коренным волжанином, Кучеров вполне был доволен теми злаками, что произрастают на тучных землях Поволжья и кои, в свою очередь, поставляют на прилавки магазинов Ульяновский горторг.

Но однажды, собираясь на работу, Николай Петрович как бы между прочим сказал жене Анне Ивановне:

— Знаешь, Аня, что-то приелись мне эти супы, рассольники, борщи. Свари-ка ты уху.

Делая подобный заказ, Николай Петрович опять-таки исходил из реальных местных возможностей. Ещё в школе его учили, а потом он и на собственном опыте убедился, что омывающие их город Ульяновск реки Свяга и матушка Волга кишмя кишат всякой рыбой. А сурская стерлядь испокон веков славилась на всю Россию. Говорят, сам Иван Грозный посылал на Суру своих бояр для отлова стерляди к царскому столу.

Анна Ивановна также была коренной волжанкой. Но она лучше мужа ориентировалась в местной обстановке. Она не пошла в рыбный магазин, где на витрине красовались бутфорские жаберные, начиная от карася и кончая солидной северной, а на прилавках горой лежали консервированные посылки с Каспия, из Мурманска, из Владивостока.

Анна Ивановна обратилась к предприимчивому частнику, который предложил ей

на рынке весьма разнообразный ассортимент свежей рыбы.

Тут же, на рынке, расплачиваясь за свежую рыбу, она услышала, как одна пожилая покупательница жаловалась:

— Два рыбозавода в области, а в магазинах нет свежей рыбы. И за что директорам этих заводов деньги платят?

Но Анна Ивановна отлично знала, как работают заводы, потому-то и пошла за свежей рыбой на рынок.

Контора пишет

Местонахождение заводов чаще всего определяют по трубам и по дыму, который валом валит из этих труб. Над крышей котельного цеха Ульяновского рыбозавода тоже торчат трубы. Но из них дым багровый клубами не поднимался к небесам. Не веяло от них ни паром, ни жаром. Мёртвая тишина стояла и в остальных цехах рыбозавода.

Полагая, что тишина на рыбозаводе объясняется спецификой производства, имея дело с немыми рыбами, возможно, люди и сами стали молчаливыми, — мы стали искать, с кем бы потолковать о делах завода. Разговорчивые люди оказались в заводской конторе. Достаточно новому человеку переступить порог, как на ум ему приходят слова русской пословицы: «Дела идут, контора пишет». Дробно щёлкали счёты, звонил телефон, люди толковали об умных и серьёзных вещах. То и дело слышались выражения: «план», «договор», «обязательство»...

Убедившись, что не только густой дым характеризует успешную работу завода, а огонёк в работе может быть и без дыма, мы обратились к главному инженеру тов. Белову с просьбой рассказать о работе руководимого им Ульяновского рыбозавода.

— Ничего, трудимся, — скромно ответил главный инженер. — Недавно подытожили свою работу за прошлый год.

— Каковы же итоги?

Тов. Белов долго мнётся, роется в карманах, потом шарит в столе и наконец конфузливо отвечает:

— Насчёт наград говорить не приходится. С планом у нас недобор. Почти на сорок процентов невыполнили. — И, как бы спохватившись, добавляет: — Видите ли, помешали многие причины. Вот оно так и получилось!

Говорил тов. Белов убедительно, с пылом. Нам казалось: разбуди его среди ночи, и он, не раскрывая глаз, без единой запинки перечислит все причины, из-за которых жители областного города остались без свежей рыбы. Виноваты были и оставшиеся без какого-либо руководства рыболовецкие колхозы, и погода, и Волга.

А больше всего досталось самой рыбе, которая имеет дурную привычку вилять хвостом и уходить от сетей.

— Вы, пожалуйста, не думайте, что аппарат заводоуправления не принимал никаких мер! — предупредил нас тов. Белов. — Все административно-технические работники у нас болеют за план.

Мы поинтересовались, велик ли его штат.

— Как и на всяком другом заводе, — последовал ответ. — Директор, главный инженер, главный бухгалтер, секретарь, счетоводы, мастера... Словом, лишних людей не держим, всё в полном соответствии со штатным расписанием.

— А сколь велик состав людей, производящих материальные блага? — задали мы последний вопрос. — То есть сколько на заводе рабочих?

— Один человек, — последовал ответ.

Мы хотели побеседовать с этим единственным рабочим, но тут же выяснилось, что этого рабочего нет на заводе. Он находился в длительном отъезде. Контора работала сама на себя. Без единого рабочего!

Свою дальнейшую беседу о карасях и щуках нам волей-неволей пришлось перенести в Ульяновский госрыбтрест.

Демьяны из госрыбтреста

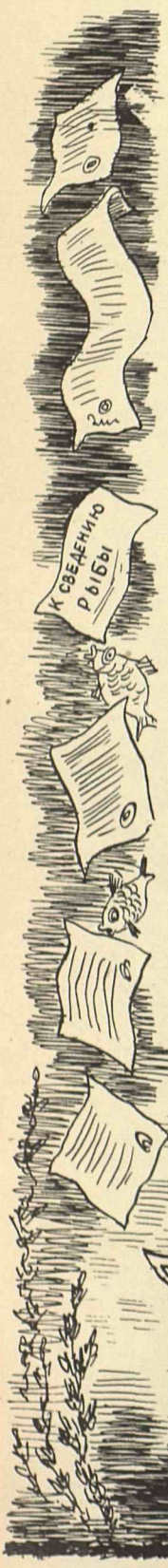
Как известно, крыловский Демьян исходил из самых благородных чувств, когда потчевал ухой соседа Фоку. Известно также, что потом получилось из этого хлебосольного добрососедского угощения: обкормленный Фока схватил шапку в охапку и с тех пор к Демьяну ни ногой.

Этот печальный случай с чрезмерным употреблением ухи, должно быть, заставил всерьёз призадуматься руководителей Ульяновского госрыбтреста.

«В самом деле, — рассуждали они, — зачем людям нужна уха? Чтоб ссориться из-за неё? Уж лучше пусть живут без ухи. Скандалов меньше будет».

Рассудив так, руководство треста сочло за благо не выполнять план. И не выполняет. Имеющиеся в распоряжении треста два рыбозавода (с одним из них, с Ульяновским, мы уже познакомились, а второй, Сенгилеевский, является двойником первого) больше озабочены своевременным получением заработной платы для административно-технических работников. А трест в составе управляющего, заместителя управляющего, главного инженера, главного бухгалтера, просто бухгалтера, инструктора, секретаря, и т. д., и т. п. делает вид, что действительно руководит своими производственными гигантами.

И это не совсем приятное обстоятельство вовсе не интересует ульяновских рыбодельцев. Заместитель управляющего трестом тов. Бирюков, так же как и его

К СВЕДЕНИЮ РЫБЫ

ПРЕДУПРЕДИТЬ РЫБУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАХОДА В СЕТИ

младший коллега с Ульяновского рыбозавода, приводил десятки разных оправданий.

— Верно, государственный план мы не выполнили! — бодро пояснял заместитель управляющего. — Но тут и малому ребёнку ясно, почему не выполнили. Минувшей весной был низкий паводок и не залил озёра — это раз! Рыбоколхозы почему-то не справились с ловлей — два! Кроме того, сама рыба стала какой-то странной и непонятной: не идёт в сети! Прямо какое-то наказание!..

Кое-кто в Ульяновске склонен доказывать, что Волга и Свияга вообще обезрыбели и что виной тому промышленные предприятия, которые сливают в реки разную муть. Слов нет, директора некоторых прибрежных предприятий при попустительстве органов госрыбнадзора портят рыбам жизнь. Стерлядь и щука не всегда чувствуют себя, как рыба в воде. Но только этим объяснять отсутствие свежей рыбы на прилавке — значит валить всё на других.

Идёт клёв циркуляров

Следующий визит мы нанесли товарищам из областной конторы Главрыбторга. Нам долго пришлось лавировать между конторскими столами, прежде чем добраться до кабинета управляющего. Но самого управляющего не было, присутствовал лишь его голос в телефонной трубке, которую держал у своего уха заместитель управляющего тов. Пигилов. Сам управляющий тов. Левянт был в командировке и руководил вверенным его попечению учреждением из Москвы.

— Как дела? — слышался в трубке приглушённый голос тов. Левянта.

— Ничего, идут! — с надрывом отвечал тов. Пигилов.

— Сто тонн солёной кильки предлагают! — кричит трубка. — Может, подослать?

— Ради бога, Яков Израилевич, откажитесь! У нас у самих кильки — хоть пруд пруди. Торгующие организации свежей рыбы просят!

— А что поступило из местных водоёмов?

— Ни одного хвоста! Зато есть циркуляр заведующего облторготделом товарища Острецова. Всё о том же, о свежей рыбе. Чтоб её бесперебойно отпускать торгующим организациям. Что, что?.. Я же и говорю, что рыбы нет, а есть циркуляр.

Из циркуляра ухи не сварить. На сковороду его тоже не положишь. Однако дельцы из рыбопромышленных и рыботоргующих организаций считают циркуляр своим излюбленным блюдом. Они им потчуют без всякой меры. Только за один прошлый год союзное и республиканское Министерства рыбной промышленности прислали в Ульяновский госрыбтрест свыше тысячи двухсот всяких циркуляров. Каждый из них указывал, приказывал и требовал ответа. Работники госрыбтреста садились за столы и строчили оправдательные ответы.

А тем временем управляющий областной конторой Главрыбторга тов. Левянт названивал с берегов Москвы-реки на берега Волги и Свияги:

— Привет землякам! Могу подослать тонн сто солёной кильки!

* * *

Вот почему Анна Ивановна Кучерова — и не только Анна Ивановна — в поисках свежей рыбы вынуждена прибегать к услугам предприимчивых частных.

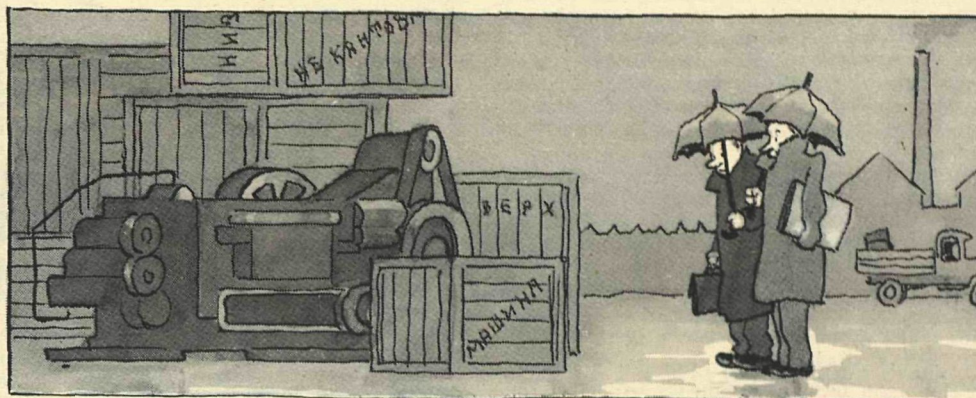
И. КОСТЮКОВ,
Н. МАЛИНИН

г. Ульяновск.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Почему мы не выполняем план?

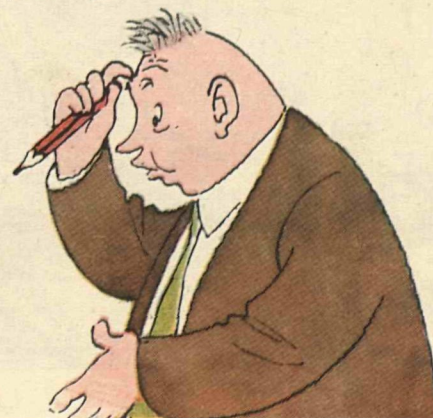
У нас горы техники...

...квалифицированные инженеры...

...мы боремся за дисциплину...

...а план всё-таки не выполняется!

КВАДРАТНО-ГНЕЗДОВАЯ КОЛБАСА

Председатель колхоза «Добрый путь» Иван Фёдорович Почухайся ехал из области домой. Ехал он на собственной «Победе». Была глубокая осень — ни на телеге, ни на санях не проехать. По дороге спустил скат, бензину осталось в обрез, шофёр был сердитый, молчаливый, а если и говорил, то об одном и том же.

— Разве по таким дорогам на «Победах» ездить? И кто вам такое посоветовал? Ехали бы лошадьми!

— Лошадьми? Сто двадцать километров лошадьми?! Когда бы я доехал?

— А теперь, если застряем, когда доедете? — мрачно бросил шофёр.

Председатель молчал.

Молчал и шофёр, посапывая.

А к тому же обоим очень хотелось есть: они торопились пораньше выехать, не пообедали, харчей не захватили. Со скатом возились довольно долго, и о том, чтобы доехать до дому засветло, нечего было думать. Решили дотащиться до ближайшего колхоза и там заночевать.

В сумерки приехали в село Вербовая Балка, в колхоз «Слава», грязные, голодные и злые. Заночевали в «Славе».

Хотя район был чужой, но председателя «Славы» Иван Фёдорович знал.

Председатель «Славы» Сидор Сидорович Наливайко — пожилой мужчина, весёлый и острый на язык — пригласил Ивана Фёдоровича к себе ночевать. Шофёра устроили в комнате для приезжих.

— Ну, как ехалось? — спросил Сидор Сидорович Ивана Фёдоровича, когда они пришли домой.

— Не ехалось, а тащилось! И врагу такой езды не пожелаю!

— А чего же вы столь легкомысленно в такую дорогу пускаетесь?

— Как это легкомысленно? — удивился Иван Фёдорович.

— Если вы уж рискуете по таким дорогам в такую пору ехать на «Победе», надо было с прицепом отправляться! — ехидно посмеиваясь, проищёс Наливайко.

— Какой прицеп?

— Ну, будку какую-нибудь или платформу, а в будку или на платформу парочку волов! Спокойно бы и ехали! Застряли в овражке или в колее — волов из будки, подпрягли, машину вытащили — снова волов в будку и псехали дальше. Рационализация автотранспорта! — расхохотался Сидор Сидорович.

— Вам всё смешки! — сердился Почухайся. — А я чуть не лопнул со злости! Это тут у вас ничего, проехать можно, а вот там, у Ковалёвки, грязюка по ветровое стекло!

— У нас ничего, говорите? Мы хоть немного, но всё же заботимся о дорогах на территории нашей артели: и комья разбиваем, и овражки засыпаем, и мостки у нас исправные. Да не все это делают, вот и сами мучаются, и проезжающие «добрым словом» хозяев поминуют!

— Да, оно так, — согласился Иван Фёдорович.

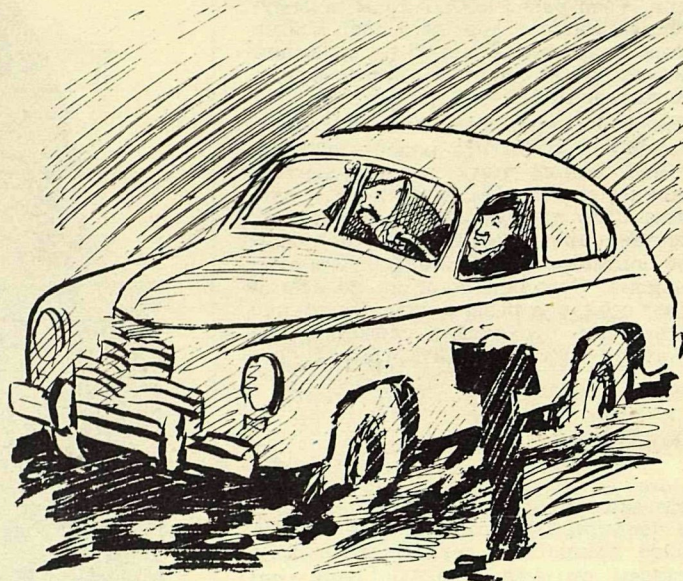
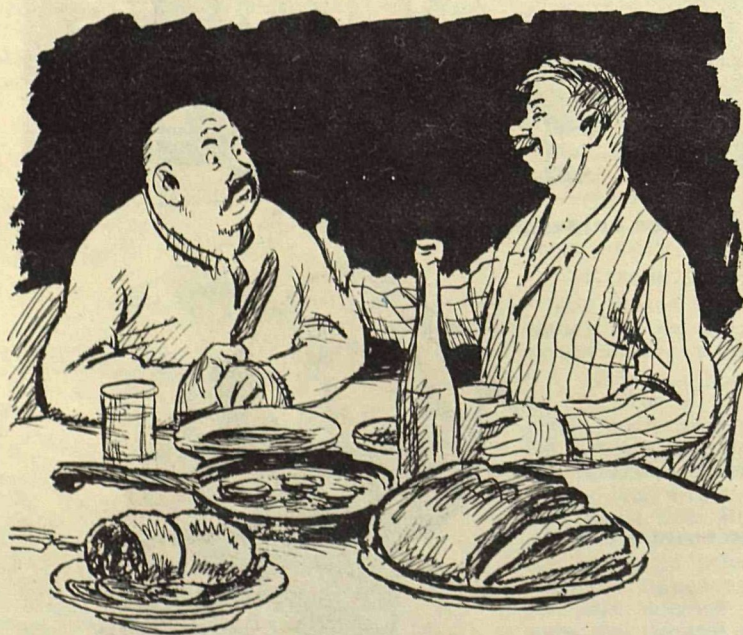
— Ну, ладно! Неважно, как дотащились, а всё-таки дотащились! Счастье ваше, видать, не умерло! Будем ужинать! Ставь, старуха! — обратился Наливайко к жене. — Чего там для дорогого гостя наготовила?

— Специально, — отозвалась жена, — не готовила, а между тем угощайтесь чем бог послал!

— Бог, тот может! — засмеялся Наливайко. — Чем бог этой осенью тебе трудовни отоварил?

— Отведайте колбасы! — предложила хозяйка. — Кто ел, — похваливал!

— Перестроился, выходит, бог! Раньше манну небесную посылал, а теперь, вишь, колбасу! Угощайтесь, Иван Фёдорович!

На сковороде, фыркая, подсакивала и шипела, плавая в растопленном жире, колбаса.

У Ивана Фёдоровича Почухайся даже слюнки потекли.

— Ну, дорогой гость, теперь хоть и не следует налегать на чарку, да оно же с дороги... Будьте здоровы! Спасибо, что заехали, закусывайте! После ужина Иван Фёдорович поинтересовался:

— Вы что, шутите или на самом деле-таки даёте колхозникам на трудовни колбасу?

— А какие тут шутки? Даём!

— И помногу?

— Ну, сколько кто заработал. В этом году вышло по пятьдесят граммов на трудовень! Считайте: пятьсот трудовней — вот вам двадцать пять тысяч граммов колбасы! Полтора пуда с гаком! Хочешь жарь, хочешь так ешь!

— Народ, разумеется, доволен, рад?

— Да сказать, чтобы очень, так не очень!

— Как так не очень?

— Начали роптать. Всё, говорят, колбаса и колбаса! Вон у Дубковенкого и Посмитного давно уже и сальтисон дают, а у нас колбаса да колбаса!

— Ну, а вы что?

— Что мы? Как люди решили, так и выйдет. Будем делать и сальтисон!

— Вы всё, должно быть, шутите, Сидор Сидорович?

— А что это на сковородке: шутки или колбаса?

— Да, колбаса! Только никак не пойму, где вы столько колбасы берёте? Как вы её столько заготавливаете?

— Как и все рачительные хозяева: квадратно-гнездовым способом!

— Как так?

— А вот так. Маркируем поле на квадраты. В каждую ямку на перекрещении квадратов кладём — на бумажке, разумеется, — фарш с чесночком, потом через всё поле протягиваем под шнур кишку для колбасы, а картофелесажалку наш механик — он у нас просто чудотворец! — так приспособил, что она колбасу начинит, в кольцо скрутит, завяжет с двух концов, положит — и дальше... За рабочий день наша машина начинает фаршу с трёх откормленных кабанов...

— Ну, это уже вы, Сидор Сидорович, просто надо мною издеваетесь! Можно-таки подумать, что издеваюсь, потому что это в самом деле сложный, хоть и эффективный способ делать колбасу, — заливался Наливайко. — Есть ещё один способ, более простой...

— Какой?

— Вы кукурузу сажаете?

— Да немного есть!

— Немного, говорите? Ну, если кукурузы немного, то колбасы вам не видать! Да и сала. Да и молока!

— Как это так?

— Да пора уже, наконец, знать, что четыре центнера зерна кукурузы, скормленных свиньям, дают центнер сала и мяса! Центнер зелёной кукурузной массы, скормленной коровам, даёт килограмм масла! А какая вкусная каша из кукурузной муки! Вы представляете себе, сколько каши можно наготовить из одного центнера кукурузных зёрен! У нас, на Украине, кукуруза очень легко может дать пятьдесят центнеров зерна с гектара, а зелёной массы — восемьсот центнеров. Возьмите карандаш, садитесь и подсчитайте — и всё вам будет ясно!

— Так-то оно так! Но...

— Что «но»?

— А кишку где брать на колбасы?

— Ложись, сосед, лучше спать! Ты, я вижу, из тех председателей колхозов, про которых говорят: «Кишку достать — семь вёрст шагать». Спи!

Открытое письмо

Заместителю министра промышленности стройматериалов тов. И. И. ЛЕБЕДЮ

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Довелось мне недавно побывать в Новороссийске. И вот представьте себе такую картину... Железнодорожная товарная станция. Шум, суета, целые полчища «толкачей» осаждают начальника станции, требуя от него порожняк для цемента. А в это время их более удачливые собратья весело хлопочут на грузовых платформах. Там готовятся к отправлению уже гружённые составы.

Спрашиваю:

— Куда держите путь, братцы?

И поездные бригады отвечают разногласным хором:

— В Таганрог!

— В Ростов-на-Дону!

— В Херсон!

— В Севастополь!

По правде говоря, уважаемый Иван Иванович, я в первую минуту как-то даже не сообразил, что тут происходит нечто странное. Пожелал севастопольцам счастливого пути (они отправлялись первыми) и поинтересовался, каким маршрутом поедут.

— Маршрут, — говорят, — обыкновенный. Круговой маршрут! Сперва двинем на восток — к Краснодару, потом повернём к северу — на Ростов, потом налево — на Запорожье, а там уж вниз — через Крымский перешеек, к морю.

В этот момент как раз начальник станции подошёл.

— Большие, — спрашиваю, — у вас перевозки цемента?

— Да, — отвечает, — порядочные. Только в районы азово-черноморских портов отправили за прошлый год 7 695 вагонов.

И тут меня самого словно бы кто-то вилами в бок кольнул: что за чепуха такая?! Вот же оно, в двух шагах, Чёрное море, — самый короткий и дешёвый путь в портовые города! Кто ж это додумался возить

новороссийский цемент кружным путём, по сухопутью?

Так, в тягостном раздумье, стал я спускаться к берегу. А по дороге вспомнил... Один из ваших подчинённых, уважаемый Иван Иванович, как-то говорил мне:

— Если приведётся тебе, дорогой Крокодил, побывать в Новороссийске, обязательно осмотри там наш новый механизированный пирс для погрузки цемента на пароходы. Вот увидишь, какое это последнее слово техники. Цемент прямо по трубам подаётся к упаковочным машинам. Р-раз! — и он уже запечатан в крепкие бумажные мешки; два! — и он уже механически погружен в паровой трюм. Этот пирс — наша краса и гордость! На него было затрачено 22 миллиона рублей!

И вот представьте себе ещё одну картину, уважаемый Иван Иванович. Когда я прибыл на этот пирс, на эту вашу 22-миллионную красу и гордость, там было тихо и пусто. Только поодаль, у другого причала, дымил пароход «Томь», который готовился к отплытию в Таганрог.

— Эй! На «Томи»! — крикнул я. — Чем грузитесь?

И с парохода ответили уныло:

— Балластом, голубчик, балластом! Под цемент нас не запланировали.

В общем, уважаемый Иван Иванович, оказалось, что роскошный механизированный пирс работает из месяца в месяц только на треть своей огромной мощности.

Конечно, каждый, кто прочтёт это письмо (поскольку оно открытое), спросит: «А почему происходит такая, деликатно выражаясь, неувязка?» Я тоже спросил. И вот какие ответы дали на этот вопрос руководящие лица.

— А что мы можем поделать? — развёл руками и. о. начальника цементного комбината тов. Косенко. — Вопрос упирается в планирование. Отгрузку цемента на сушу и на море планируют там, наверху, в Ми-

нистерстве промышленности стройматериалов.

— Новороссийский пирс — это наша краса и гордость! — сказал «там, наверху», начальник Главстройбыта тов. Жуков. — Но вопрос упирается в мешки. Всё время ломаем голову, где бы достать бумажные мешки для цемента.

— Море? О, это превосходная отдушина для новороссийских цементных заводов! — заявили вы лично, Иван Иванович. — Но вопрос упирается в тоннаж. Мало пароходов дают нам товарищи моряки!

Всю соль этих ответов и «точность» сведений, которыми вы располагали, я смог оценить немного позже, получив две дополнительные фактические справки. Первая удостоверяла, что Главснаб вашего министерства уже дал новороссийцам 10 миллионов бумажных мешков и ещё может дать — только берите! Вторая свидетельствовала, что Черноморское пароходство может обеспечить перевозку сотен тысяч тонн цемента в год — только грузите!

Так ещё раз наглядно подтвердилось, что шила в мешке не утаишь, тем более в бумажном.

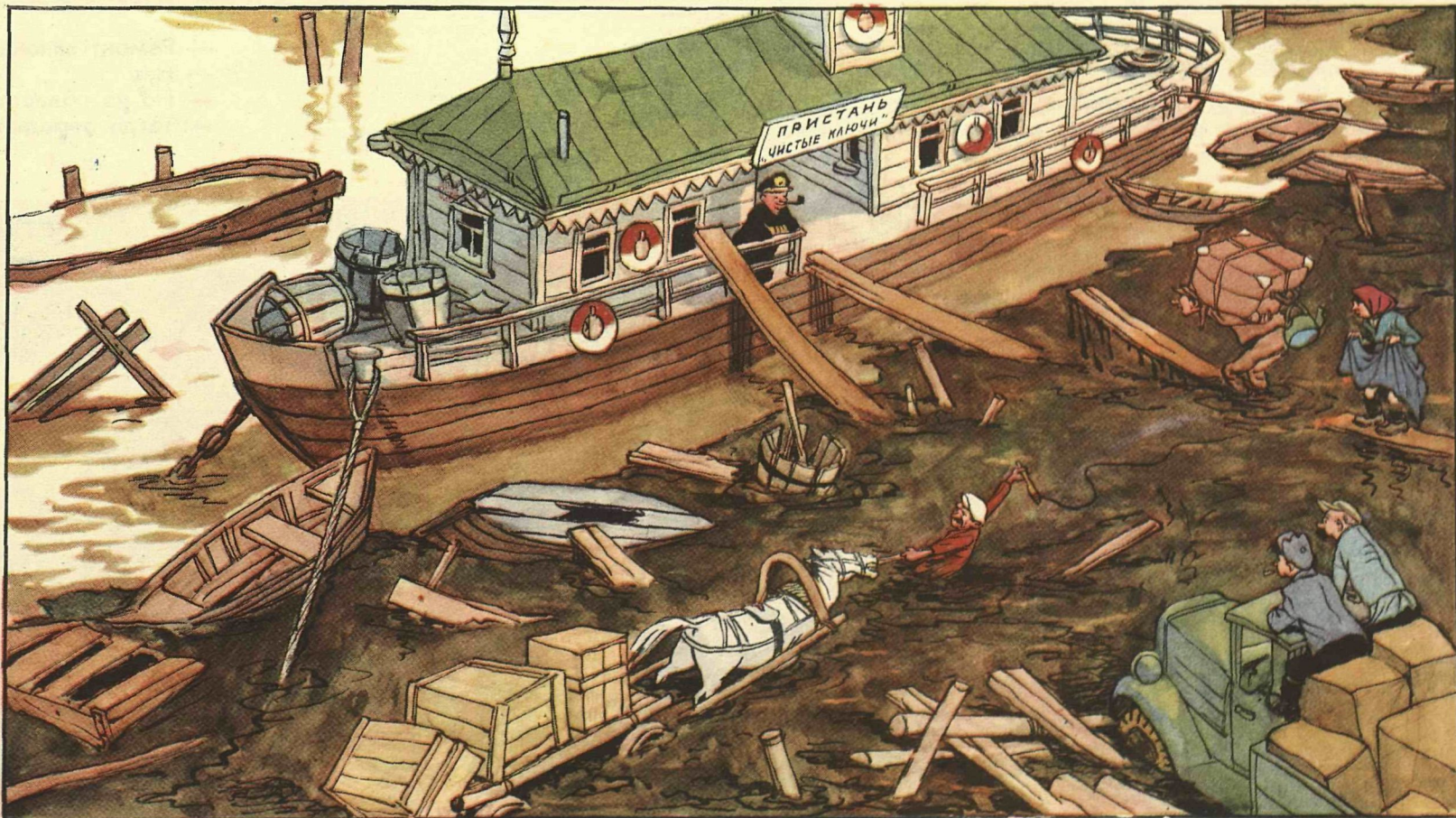
Короче говоря, большая к вам просьба, уважаемый Иван Иванович, поскольку упомянутые вопросы находятся непосредственно в вашей компетенции. Внушите своим подчинённым, которые планируют отгрузку новороссийского цемента, три бесспорные истины: 1) что город Новороссийск всё-таки находится на Чёрном море; 2) что судоходство для того и существует с незапамятных времён, чтобы укорачивать путь между портами, и 3) что забвение двух предыдущих истин весьма удорожает и задерживает перевозки и наносит немалый ущерб государству.

Примите уверения и прочее.

Крокодил

Рисунок И. СЕМЁНОВА.

НЕПРИСТУПНАЯ ПРИСТАНЬ

— К нашему начальнику ни подойти, ни подъехать.

ВИЛЫ В БОК

ПРО ФОМУ И ПРО ЕРЁМУ

Фома и Ерёма — мужские имена. Отличить их не так уж трудно; и спутать можно, если только Фома и Ерёма — близнецы. А вот всё-таки находятся люди и путают Фому с Ерёмой.

В колхозе «Новая жизнь», Шахунского района, Горьковской области, строили зерносушилку. Строили и не достроили. Так и стояла она без крыши, сиротливая, заброшенная. Житель села Хмелевицы И. С. Сенатов не мог равнодушно смотреть на то, как разрушается здание сушилки, и написал об этом письмо.

Через некоторое время горьковское областное управление сельского хозяйства успокоило тов. Сенатова:

«Помещение, где находится зерносушилка, отремонтировано. Зерносушилка введена в эксплуатацию».

Получил Иван Спиридонович Сенатов такое письмо и не знал, чему верить.

С одной стороны, областное сельхозуправление в официальном документе утверждает, что с зерносушилкой всё в порядке... А с другой — сушилка-то на самом деле не работает.

И в доказательство сфотографировал недостроенную, бездействующую сушилку и снова написал письмо.

Тогда из горьковского областного сельхозуправления последовал новый успокоительный ответ:

«Проверкой установлено, что отремонтированная зерносушилка Хмелевицкой МТС на территории колхоза «Ударник» не работала из-за отсутствия термометра. В настоящее время термометр приобретён, и зерносушилка сдаётся через день в эксплуатацию».

И опять И. С. Сенатов не знает, чему верить.

С одной стороны, он сигнализировал о зерносушилке колхоза «Новая жизнь», Шахунского района, а с другой — ему отвечают по поводу бездействующей сушилки колхоза «Ударник», Хмелевицкого района. Он про Фому, а ему про Ерёму...

Неужели в Горьковской области так много бездействующих и беспризорных зерносушилок, что их, как близнецов, нетрудно спутать? Тогда понятно, почему в сельхозуправлении, когда спрашивают про Фому, отвечают про Ерёму.

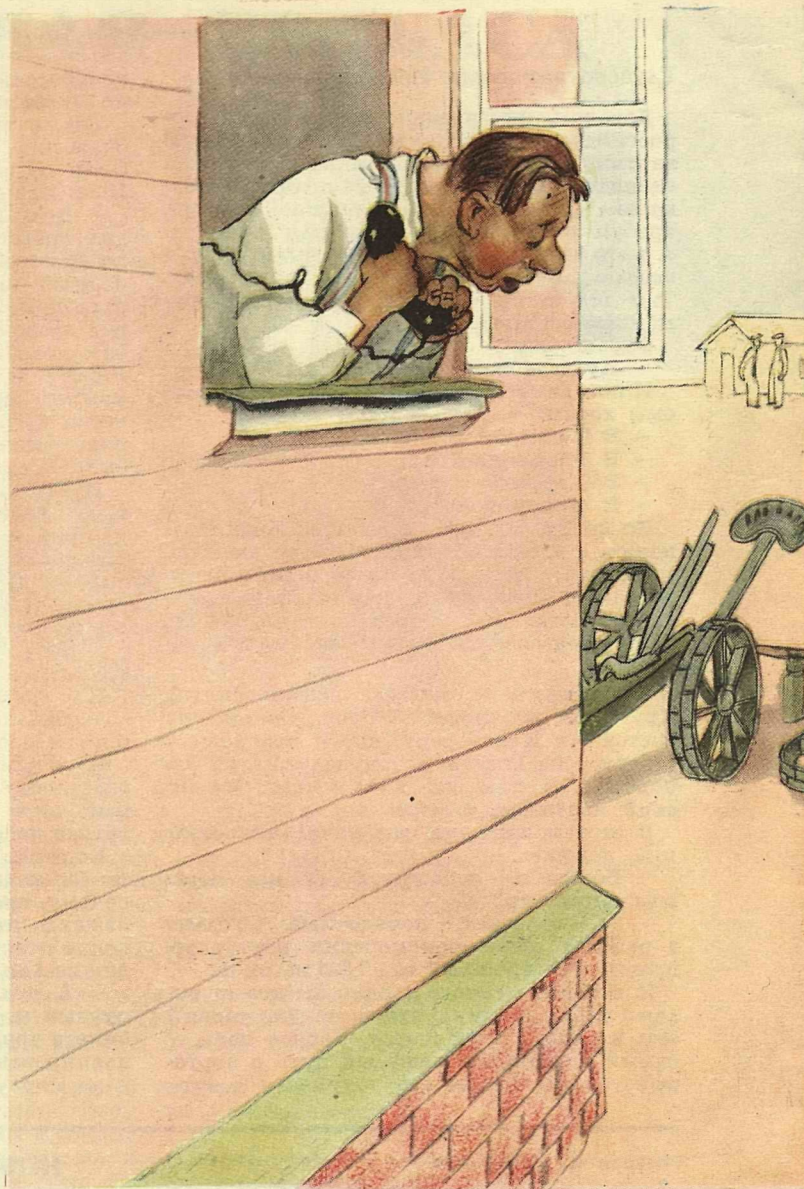
ОДИННАДЦАТЫЙ ВИЗИТ

Сталинградский металлургический завод «Красный Октябрь» облетела ошеломляющая весть: едет ревизор! Немая сцена в кабинете директора завода, пожалуй, не уступала по напряжённости завершающей сцене бессмертной гоголевской комедии «Ревизор». Однако руководители завода беспокоились не из-за того, что ревизор вскрыет их промахи и грехи, нет...

За последний месяц завод посетило... десять ревизоров друг за другом! Приезжали из Министерства госконтроля, из Министерства финансов, из Министерства связи... Больше 300 килограммов бумаги ушло на отчёты, донесения и справки этим ревизорам! Сколько драгоценных рабочих часов убито на эти справки! Одно-го проводят с восходом солнца — глядь, другой является; с этим попрощаются — следующий на очереди. Работа завода изучена более чем досконально, а ревизоры всё жалуют!..

И вот работники завода со страхом подсчитывают, во что обойдётся заводу одиннадцатый визит. А ведь и этот визитёр наверняка будет проверять: хорошо ли экономит завод государственные средства?

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

- Ремонт закончили?
- Нет.
- Но из области требуют
- Тогда передайте, что М

Рисунок К. РОТОВА.

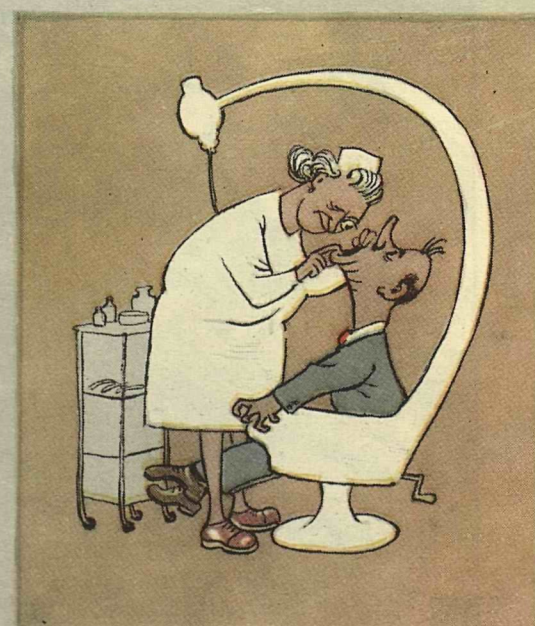
ЕГО «ТРУД

Придя на службу ровно в девять
[Делам служебным нет числа,
И время дорого везде ведь],
Он стал «провертывать» дела.

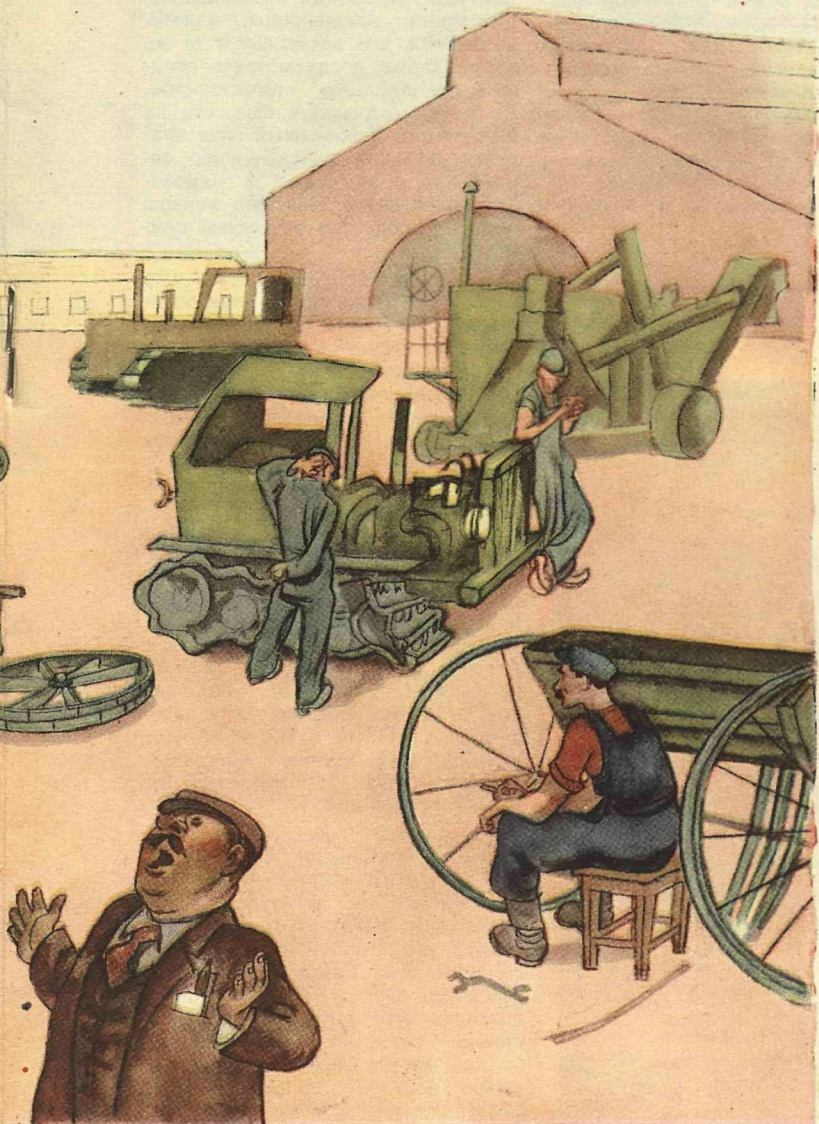

Его на месте при проверке
Не оказалось, но зато
Он точно в срок поспел к примерке
Демисезонного пальто.

Дела торопят — шаг ускорен!
Зашёл к «зубному». Почему б
Не дать врачу (пусть смотрит в корень!)
Определить, здоров ли зуб!

Диалог с Моралью

Сперва диалог:
 — Опять в газете статья о плохой работе управляющего республиканской конторой «Глававтотракторосбыта» товарища Шунто. В Белоруссии нет ни одной газеты, которая бы о нём не писала.
 — Да... Придётся в приказе товарищу Шунто указать.
 — Но... Шунто в прошлом году имел уже строгий выговор с последним предупреждением.
 — Так то в прошлом году. А сейчас надо ему просто указать...

— Имеются жалобы на грубость товарища Шунто к клиентуре... а также на мягкость товарища Шунто... к жуликам и взяточникам.
 — Ну?... Придётся поставить ему на вид...

— Происходят странные вещи... На ряде заводов — тракторном, автомобильном, мотовелозаводе — давно лежат готовые запасные части, в которых остро нуждаются МТС, а товарищ Шунто их не забирает. Мало того, он ещё жалуется, что эти заводы якобы не дают ему запасных частей.
 — Гм!.. Придётся объявить ему выговор...

— Что делается! В МТС отсутствуют запасные части, задерживается ремонт тракторов. Товарищ Шунто наконец забрал с заводов запасные части и теперь маринует их на своих складах.
 — Вот как?! Придётся объявить ему строгий выговор...

— Опять отличился товарищ Шунто: вместо того, чтобы комплектовать поршневые группы для тракторов на своей республиканской базе, он дал команду заводам посылать детали на областные базы. Харьковские поршни прибывают в Могилёв, чкаловские втулки — в Брест, новороссийские гильзы — в Гомель, а киевские поршневые пальцы — в Витебск.
 И теперь работникам машинно-тракторных станций, прежде чем собрать поршневую группу трактора, приходится ездить за деталями во все концы республики.
 — Ну и ну!.. Придётся объявить ему строгий выговор с предупреждением...

— Ну, вот и дождался: снова статья в газете о плохой работе конторы «Глававтотракторосбыта».
 — Да!.. Придётся в приказе указать товарищу Шунто.
 — Но ведь...
 — Так то было в прошлом году. А сейчас надо ему просто указать.

Теперь — мораль. Она предельно ясно сформулирована ещё Иваном Андреевичем Крыловым в той басне, где он рассказывает о Ваське, который «...слушает, да ест».

И. НОВИКОВ,
 М. КУДЕЛЬКО

г. Минск.

г сведений.
 машины к посевной готовы.

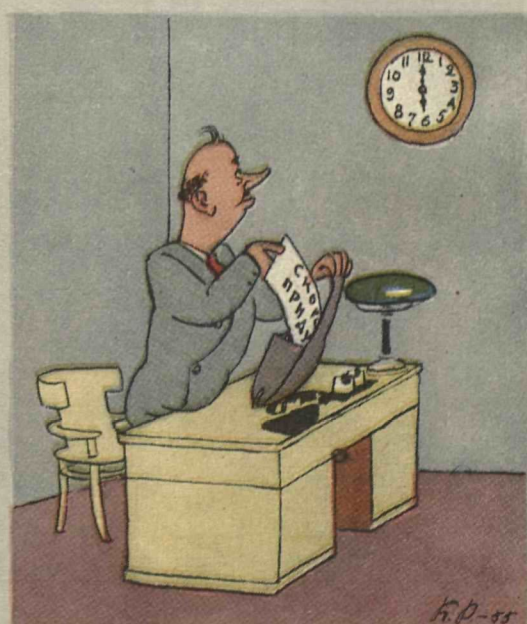
«ДЫ И ДНИ»

Зверей проведав «для порядка»,
 Он не бездельничал и тут:
 Он льва до нервного припадка
 Довёл за несколько минут.

Мы правды фактов не нарушим:
 «Зоологический» сей пыл
 Он охладил прохладным душем
 И тело ванной освежил.

Вот наконец он снова в тресте...
 Он, презиравший в людях лень,
 К концу занятий был на месте,
 Чтоб завершить рабочий день!

Эмиль КРОТКИЙ.

КОНГРЕСС И ПРОГРЕСС

— Джим, встань и объясни классу, что такое прогресс!

— Это такая штука, господин учитель, которую дяденьки сенаторы хотят защищать атомной бомбой.

Такие диалоги происходят ныне под дырявыми крышами бывших курятников во многих американских городах. Когда-то хозяева этих ветхих строений нашли, что курам не совсем уютно живётся в

них. И тогда мудрые власти решили пустить птички под школьные помещения. В стране доллара это модно. С некоторых пор — по сведениям «Нью-Йорк геральд трибюн», «Пост диспетч» и других американских газет — высокопоставленные просветители отводят под школы самые оригинальные места: полуразвалившиеся казармы и гаражи, пустующие бакалейные лав-

ки и подвалы, угольные склады и другие приятные помещения. Нельзя, конечно, похвастать, чтобы они отличались хоть элементарной безопасностью для здоровья 900 тысяч детей, которые вынуждены в них заниматься.

Даже некоторые сенаторы отваживаются признать, что «школам всей страны, от первого до последнего класса, угрожает худший кризис за всю историю». Да что се-

наторы! Сам президент не отрицает кризиса в области образования. В своём послании конгрессу он не забыл громко заявить о необходимости принять меры для урегулирования проблемы образования. Американцы, однако, подметили, что президент в то же время забыл предусмотреть средства на школьное строительство. Во всяком случае, в бюджете на ближайший финансовый год значится, что на просвещение, социальное обеспечение и здравоохранение вкуче выделено меньше четырёх процентов расходной суммы.

Как видно, конгрессу давно уже надоел тот отдел канцелярии богини Афины Паллады, который покровительствует знаниям. Тут не сделаешь бизнеса! Да и нужны ли вообще знания, необходимо ли образование? «Мы, видимо, живём в такую эпоху, когда шикарно быть невеждой», — пронзительно замечает известный американский писатель Роберт Шервуд.

В словах Шервуда слышится горькая ирония. Но они воспринимаются вполне серьёзно неким «заинтересованным гражданином», который со страниц детройтской газеты «Фри пресс» потребовал недавно введения особых налогов на родителей, имеющих школьников, а заодно и ограничения рождаемости. «Иначе будет загублена американская система просвещения», — злобеще предупредил он соотечественников.

Как видно, нерентабельные затраты на просвещение не дают покоя и другим «заинтересованным гражданам». В журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин» один из дипломированных поборников прогресса, профессор Гарвардского университета Дуглас Буш, пытается доказать, что неученье — свет, а ученье — тьма. Рост числа учащихся сей джентльмен сравнивает с «губительным для европейской цивилизации нашествием варваров в начале средних веков». Вот в чём, оказывается, угроза цивилизации! Рост числа учащихся, продолжает поучать профессор, может резко понизить уровень образования в стране. Наука и не подозревала о существовании такой закономерности!

В общем, характер просветительской деятельности некоторых ответственных лиц за океаном напоминает американцам, что служить древнегреческой богине можно и не в области просвещения. В самом деле, по мифологии, на Афины Палладу было возложено ещё и ведение военных дел. Эта сторона её деятельности сейчас больше занимает умы конгрессменов: недаром две трети государственного бюджета США ассигнуются ими на военные цели. Тут рука дающего не оскудевает!

Конгрессмены недвусмысленно дают понять молодому американцу:

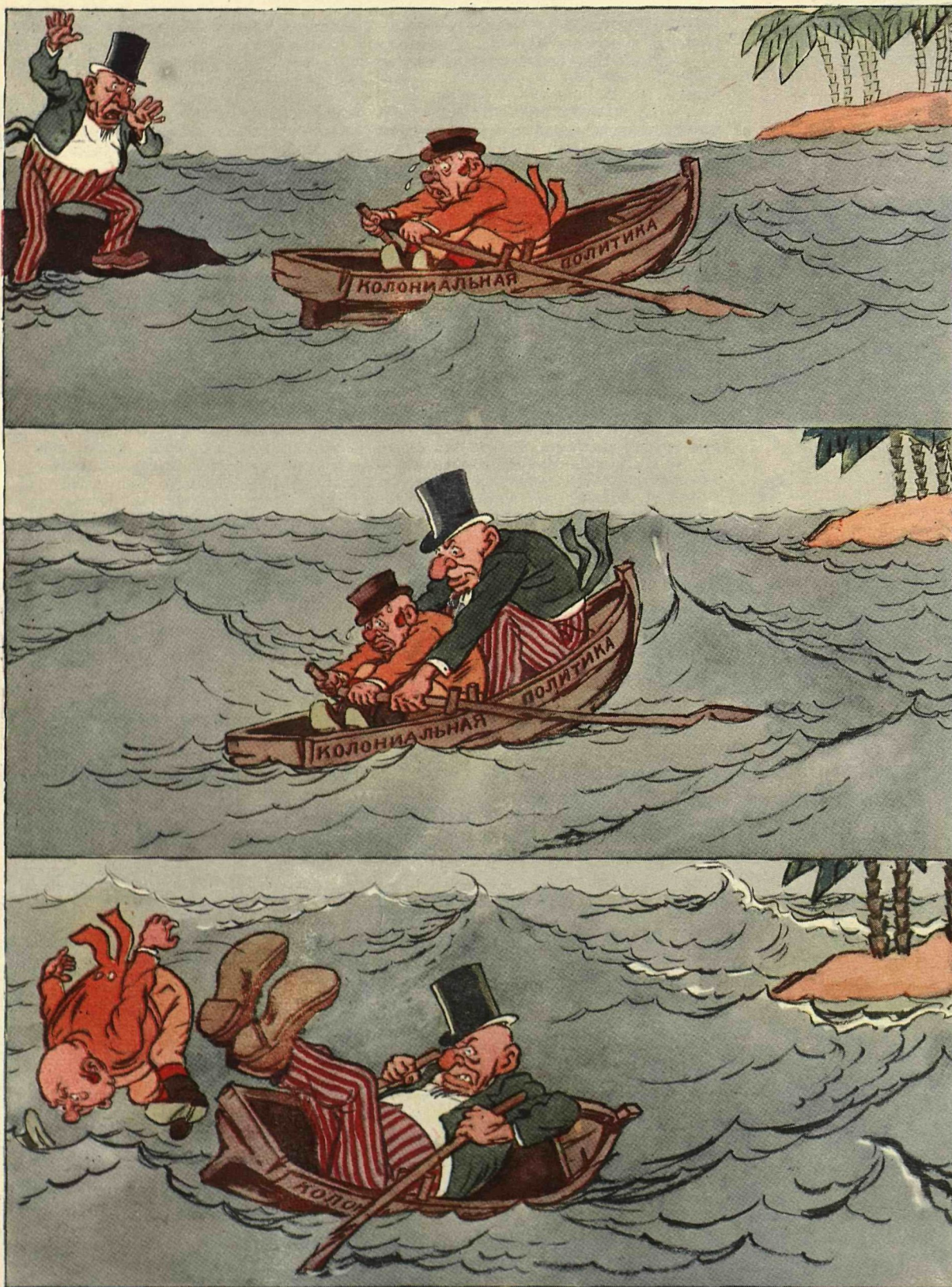
— Хочешь познать мир? Полежай в солдатский мундир и отправляйся за тридцать земель.

— Желаете быть образованным? Изучи военные уставы.

Клятвенные уверения конгрессменов в преданности «христианской культуре и цивилизации» не могут оправдать их действий в глазах миллионов американцев. Всякому видно, что конгресс озабочен не защитой действительного прогресса, а скорее защитой от него.

Д. ЛЮБИМОВ

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ДРУЖБА.

Са́ша СЕМНАДЦАТЫЙ

Тётушка Балла живёт в том же доме, что и я. Однажды я помог ей притащить с базара большую корзину яблок, и с тех пор мы крепко с ней подружились.

Тётушка Балла — белая, как лунь, старушка. Румяное её лицо покрыто тысячами мелких морщинок. Это шустрая, расторопная старая женщина; у неё двое внучат. В нашем районе её знают почти все: ведь она видный деятель, весьма уважаемый член совета квартальных уполномоченных.

Как-то раз довольно поздним вечером тётушка Балла энергично постучалась к нам в дверь.

— Кто там? — спросил я.

— Кто, кто! — негодующе отозвалась тётушка Балла. — Ясно, кума из Лёче!..

Не успел я открыть дверь, как тётушка вихрем ворвалась в комнату и торжественно выложила на стол раскрытый журнал «Советская культура»¹. Я в недоумении вытаращил глаза.

— Это Саша! — радостно заявила старушка, указывая на фотографию, запечатлевшую приезд новой советской делегации.

Я, разумеется, сразу не сообразил, о ком идёт речь, однако попытался выразить своё сочувствие кое-какими невразумительными репликами, вроде: «Н-да... вообще говоря... возможно, конечно...» и так далее.

— Это Саша! — повторила тётушка Балла, кинув на меня полный просительного ожидания взгляд.

И тут меня сразу озарило: да ведь это она вновь открыла своего Сашу! Я мысленно сосчитал по пальцам: которого же именно? Пожалуй, уже семнадцатого!..

А теперь расскажу вам по секрету (только не выдавайте это тётушке Балле, иначе она меня выживет не только из дома, но и из всего нашего района!), кто был на самом деле Саша. Так звали одного советского капитана, который, если мне не изменяет память, в марте — да, да, именно в марте — 1945 года проживал у тётушки Баллы, и она его полюбила, как родного сына. Саша тоже любил эту милую старушку. Даже на машине её однажды покатал, что было величайшим для неё событием, так как она села тогда в автомобиль впервые в жизни. (Правда, значительно позже, в сотый раз передавая мне эту историю, она не уставала утверждать, что вообще-то настоящее катание мыслимо только в допотопном фиакре. Ей, видите ли, недоставало весёлого постукивания лошадиных копыт, под ритм которого так хорошо напеваётся любимая песенка.)

Но, как бы там ни было, тётушка Балла с той самой поры ждёт не дожждётся своего Сашу. Она узнаёт его среди членов каждой советской делегации. То он предстаёт перед ней в виде председателя знаменитого колхоза-миллионера, то как знатный шахтёр, известный скрипач-виртуоз или прославленный оперный певец; он выступает в качестве биолога, заслуженного педагога, не знающего поражений борца, популярного киноартиста, новатора с обувной фабрики... Кем только не бывал он в её воображении! Он становился то сухощавым, то дородным, был и бородатым и безусым, в очках и без очков, коренастым и стройным, гладковолосым и кудрявым... И уж, конечно, Саша должен был побывать у тётушки, если бы приехал в Венгрию.

На этот раз тётушка Балла поклялась, — впрочем, она это делала и во всех других подобных случаях, — что теперь-то перед нами доподлинный, настоящий Саша, её Саша. Стыд и срам, если я не узнал его сразу, говорили её глаза.

Старушка великодушно объяснила мою забывчивость тем, что Саша, верно, не носит теперь очков. Однако я-то хорошо помнил, что и в сорок пятом он не носил никаких очков, а носил небольшие усы. Но они, кстати сказать, на снимке отсутствуют... Почему бы это?

Несмотря на все мои доводы, тётушка Балла не сдавалась и продолжала утверждать, что на этот раз именно Саша приехал в нашу страну.

И, можете себе представить, разглядывая внимательно фотографию, я сам начал признавать в незнакомом советском товарище тётушкиного Сашу. Старушка была, конечно, ужасно счастлива.

Но время шло, а Саша всё не приезжал к тётушке. Моя вера в его подлинность на последнем снимке сильно пошатнулась. Мной снова овладели сомнения. Но когда я стал выяснять мнение самой тётушки Баллы на этот счёт, она сразу же взяла семнадцатого Сашу под защиту:

— Оставь его, сынок, в покое. Он, я думаю, занимается большими делами государственной важности. Недосуг ему разъезжать по гостям. Но вот посмотришь, он выберет время и ко мне ещё заедет.

Несколько дней спустя в газетах был помещён снимок: отъезжавшие на родину посланцы советского народа махали руками из окон вагона в знак прощального приветствия.

А через каких-нибудь два дня поздно вечером снова раздался стук в мою дверь. Явилась неизменная тётушка Балла с последним номером знакомого журнала в руках. Она сообщила, что в скором времени к нам в Венгрию приедет один из советских ансамблей песни и пляски.

В ответ на мой вопрошающий взгляд старушка дружелюбно толкнула меня локтем в бок:

— Разве ты не помнишь, сынок, как здорово умел плясать наш Саша?

Само собой разумеется, мне пришлось припомнить и это.

Очевидно, наступил черёд восемнадцатого Саши. И, надо думать, не последнего...

Перевёл с венгерского Б. ГЕЙГЕР.

Рисунок Кароя ШАНДОРА.

ПЕРЕЧЕРКНЁМ ПЛАНЫ АГРЕССОРОВ!

¹ Издающийся в Венгрии иллюстрированный журнал.

Чья игра?

— Мой! — воскликнул боннский немец.
— Мой! — сказал вишист-француз.
Им обоим иноземец
Заклучить велел союз.

Но стремится эта пара,
Обсуждая договор,
На дорожный столб Саара
Головной надеть убор.

Не Париж играет с Бонном,
Не с Парижем спорит Бонн,—
Ими Лондон с Вашингтоном
Управляют с двух сторон.

С. МАРШАК

СТАРТ АТОМНОГО ВЕКА

Он был ознаменован ИМИ
Паденьем бомбы в Хиросиме.
Он НАМИ был ознаменован
Электростанцией

и мирным добрым словом.
Им нужен прах. А нам — земная
твердь.
Мы — жизнь несём.

Они — приносят смерть.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ДЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В кабинет редактора газеты «Уорсестер телеграм» (издаётся в штате Массачусетс) вошёл человек в поношенном костюме.

— Если я не ошибаюсь, сэр,— обратился он к джентльмену с сигарой в зубах,— вы редактор этой газеты?

— Представьте себе, что вы не ошиблись,— ответил небрежно редактор.

— В таком случае разрешите задать вам два — три вопроса...

— Если вы пришли одолжить два — три доллара, приятель, то лучше не тратьте попусту времени.

— Совсем наоборот. Я сам хочу сделать вам одолжение. Являетесь ли вы патриотом Соединённых Штатов?

— Не задумывался над этим раньше, но, наверное, да,— ответил, пожимая плечами, редактор.

— В таком случае вы должны быть заинтересованы в процветании нашей родины, сэр!

— Ближе к делу.

— Прекрасно,— посетитель улыбнулся.— Я готов предоставить вам чудесный способ послужить Америке. Для этого вам лишь нужно обменяться со мной профессиями.

— А кто вы такой? — полюбопытствовал редактор.

— По опыту работы за последние три года я безработный. Видите ли, сэр, на днях я прочёл в одной газете следующее: «Безработные поднимают наш уровень жизни. Очевидно, поэтому первым условием большего процветания и более высокого уровня жизни является наличие значительной группы безработных». Стало быть, я, будучи одним из пяти миллионов безработных, уже послужил делу процветания и теперь могу уступить эту честь вам.

— Где вы это вычитали, приятель?

— В вашей газете, сэр.

...Остаётся добавить, что, не ручаясь за точность воспроизведения беседы, мы дословно привели текст цитаты из «Уорсестер телеграм», поставившей рекорд по части циничного издевательства над армией американских безработных. А поставить такой рекорд в буржуазной американской журналистике — это кое-что да значит!

Г. ЮРЬЕВ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

АМЕРИКАНСКАЯ КОПИЛКА НА ТАЙВАНЕ.

Ведьма

То, о чём рассказывается в этом стихотворении, случилось в колхозе имени Кагановича, Белогорского района, Хмельницкой области.

В том, что не вывелись ведьмы пока,
Я убедился на деле...
Как-то однажды надой молока
Снизился в нашей артели.

Думаем — кругом идёт голова,—
Как разобраться в причине:
Силос в корыте, в яслях трава —
Что ещё надо скотине!

Сторож есть!
С ним и собака Барбос...
Разве пробраться тут вору!
Ну, хоть бери и веди на допрос
С фермы коров всех
В контору!

И отдаёт председатель приказ:
— Сторожа без промедленья
Прямо с поста приведите сейчас
На заседание правленья.

Топот за окнами.
В двери: стук-стук!
Дверь приоткрылась немного —
Сторож колхозный Василь Кривенчук
Сел на скамью у порога.
— Может быть, ты, Кривенчук, замечал
Что-нибудь ночью такое!..

Кашлянул сторож, потом помолчал,
Тихо дрожащей рукою
Двери конторы закрыл на засов.
— Видел я, видел воочью:
Ведьма украдкой доила коров
Каждую тёмною ночью!

Чёрная ведьма,
Подойник в руке,
Действует быстро и ловко.
Выдоит всех, а потом в молоке
Станет купаться, бесовка!

Страсти такие, что нет больше сил,
Верьте — сказать не решился! —
Первый раз в жизни наш сторож Василь
Клятвенно перекрестился.

— Вот, значит, как ты добро сторожил!
Ведьму увидел воочью!!
Ладно, иди...
Кто-то тут предложил
Ведьму... поймать той же ночью.

...Ночь.
По селу завируха метёт.
Что это! Видим мы сами,
Как по коровнику ведьма идёт,
В шапке,
к тому же с усами!

Села доить. И сопит и спешит.
[Вот напряжённая сценка!]
Раз — и ведро!.. Хоть в газету пиши —
Чем тебе не рекордсменка!

Двух подоила — и к третьей.
Но вдруг

Ведьма услышала слово:
— Стой!
С перепугу Василь Кривенчук,
Вскрикнув, упал под корову.

— Что ты лежишь!
Под коровой, ей-ей,
Прятаться, дядя, неловко.
Ну-ка, в милицию топай скорей!
Слышишь, вставай-ка, бесовка!

Сторож-хапуга наказан сейчас,
Он привлечён был к ответу.

...Есть ещё ведьмы такие у нас.
Помнить нам надо об этом!

Перевёл с украинского
А. НИКОЛАЕВ.

В нотных магазинах трудно достать ноты для начинающих учиться музыке.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

СООБЩАЕМ АДРЕСА

ЁМКИЕ БИДОНЫ

Транспортировать керосин к домашнему очагу можно по-разному: и в бочке, и в бутылке, и во всякой другой посуде. Но когда в магазин села Льва Толстого, Калужской области, прибыли бидоны, то все решили, что лучше этой тары для керосина и не сыщешь. Ёмко, дешево, удобно!

Однако ёмкость бидонов превзошла все ожидания: сколько туда ни лили керосину, они не наполнялись... Чуда здесь, конечно, никакого не было: бидоны просто-напросто... протекали.

Надеялись покупатели, что хоть в качестве лейки эти изделия будут первосортными. Ведь на этикетке даже указано: «I сорт». Но и так пользоваться бидонами не смогли: ручки при первом же удобном случае спешили отделиться от остальной жестяной массы.

Как применять эти бидоны, до сих пор не разгадано. За разъяснениями следует обращаться по адресу:

г. Гомель, ул. Карповича, 75,
артель «Возрождение».

— Что вы здесь делаете?
— Разучиваем урок по музыке.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Достаточно ли ты знаком со свойствами и капризами, присущими... кирпичам?

Нет, нет, не трудись доставать с полки энциклопедический словарь. То, о чём говорится в нём, мы и сами отлично знаем.

Кирпич есть строительный искусственный камень, сформован-

ный из различных минеральных материалов и приобретающий камнеподобные свойства (прочность, морозостойкость, водостойкость) после обжига.

Всё это, конечно, бесспорно. Но мы имеем в виду не просто кирпичи, а изделия, изготовляемые пятигорским кирпичным заводом «Эльбрус».

Ты пожимаешь плечами: какая разница? Все кирпичи в подлунном мире одинаковы. Все приобретают после обжига камнеподобные свойства.

А вот и не все! В этом смысле эльбрусский кирпич отличается от своих собратьев. Он нежен и привередлив, как избалованная красавица. Если нормальному кирпичу не страшны ураганы, то эльбрусский боится самого лёгкого ветерка. Нормальный кирпич хоть в реку клади, а этот даже от майского дождичка размокает. Нормальному кирпичу как придали при рождении плоскую форму, он её последовательно и придерживается. Не таков кирпич эльбрусский. Этот любит самопроизвольно изгибаться в дугу и даже рассыпаться на составные части.

Попроси, дорогой Крокодил, редакцию словаря, пусть она исправит свою невольную ошибку и сопроводит справку о кирпичях следующим примечанием: «Всё вышесказанное к кирпичам производства пятигорского завода «Эльбрус» не относится. У них кирпичи особого свойства».

А. БУТЕНКО.

г. Пятигорск.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Я бы не стал тебя беспокоить, если бы смог хоть раз высказаться на собрании по месту своей работы — в автошколе города Сыктывкара. Почему мне не удаётся выступить, попробую объяснить. Собрания у нас обычно проходят так: в назначенное время перед служащими школы появляется директор тов. Сухарев. Действуя по принципу — «самозванцев нам не надо, председательствовать буду я», — он занимает председательское место и объявляет: «Собрание считаю открытым! Секретарь, — обращается он к секретарю школы, — займите

Дорогой Крокодил!

свое место. На повестке дня мой доклад. Слово предоставляется мне...»

И пока присутствующие приходят в себя после столь бурного начала, директор читает доклад. Регламент, прений, разногласий, возражений тов. Сухарев не признаёт и доклад свой заключает словами: «На этом собрание объявляю закрытым. Прошу освободить помещение».

Ничего не скажешь... на таком собрании. Для нас, работников школы, оно на этом действительно заканчивается, но для тов. Сухарева оно вступает в наиболее ответственную фазу. Он вместе с секретарём начинает писать протокол. В протоколе налицо уже все элементы собрания: прения,

предложения, замечания, реплики... Нет в нём одного — правды. Но это обстоятельство тов. Сухарева тревожит мало. Лишь бы протокол был!

Видимо, для тов. Сухарева самокритика — это лишь неограниченная возможность самому всех критиковать.

Зав. учебной частью автошколы
П. ПРОКУШЕВ.

г. Сыктывкар,
Комп. АССР.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Юные читатели нашей библиотеки очень увлекаются книгой о борьбе предков за огонь — источник тепла и света.

Если б они знали, какую борьбу «за огонь» приходится вести нам, работникам районной и детской библиотек! Они посочувствовали бы нам даже больше, чем первобытным людям. Ведь предкам приходилось бороться только с силами природы, они не сталкивались с заведующим районным отделом коммунального хозяйства тов. Ерошенко. Мы же ведём с ним борьбу

долгую, упорную, но, увы, бесплодную. Несколько лет подряд добиваемся мы, чтобы осветили библиотеки — подключили их к районной электростанции, но тщетно! Бестрепетной рукой тов. Ерошенко складывает все наши заявления в долгие ящики.

Дорогой Крокодил! О нашей борьбе «за огонь» мы могли бы рассказать юным читателям. Они, конечно, с интересом прослушают эту поучительную историю и посочувствуют нам. Но всё же их больше устроит в библиотеке хороший свет, а не керосиновые лампы!

Зав. районной библиотекой
Р. КАНДЫБА,
зав. детской библиотекой
Е. КАТАЕВА.

с. Горьковское,
Омской области.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

НЕВИДАННЫЙ ЭКСПОНАТ

Колхозы Алексинского района (Тульская область) достигли известных успехов в животноводстве. Но руководству показалось этого недостаточно. Хотелось удивить свет какой-нибудь новой, доселе невиданной породой.

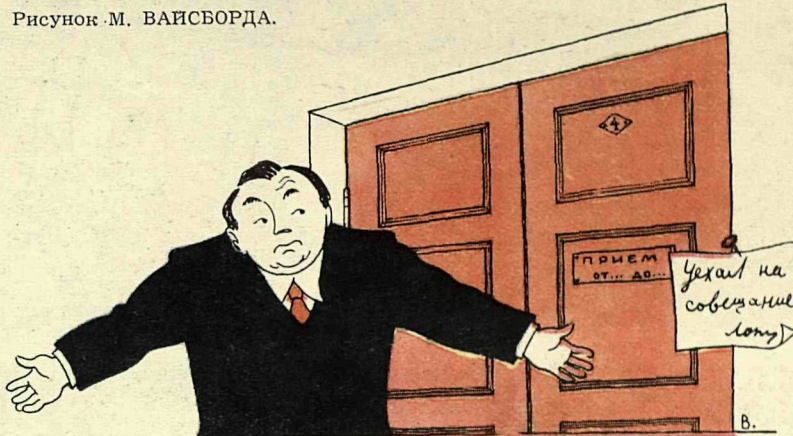
И вот под непосредственным руководством райсовета на свет появился новый, оригинальный экспонат. О нём специально сказано в принятом решении:

«Утвердить кандидатом на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в 1955 году ферму колхоза им. Сталина, Поповского сельсовета, получившей и выращившей от 21 свиноматки 131 ягнёнка...»

Председатель райисполкома —
В. Шутов.
Секретарь райисполкома —
В. Семёнов.

Мы усомнились: есть ли действительно на свете такая свиновечья порода? Но, взглянув дальше в решение, увидели, что у заведующего общим отделом райисполкома нет по этому поводу никаких сомнений. Он ясно написал: «Верно. Антонов». Да ещё и печатью скрепил. Как же тут не поверить!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Где же его искать, если хоккейный сезон уже закончился, а футбольный не начался?

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Перед футбольными соревнованиями надо убрать сорняки с поля...

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

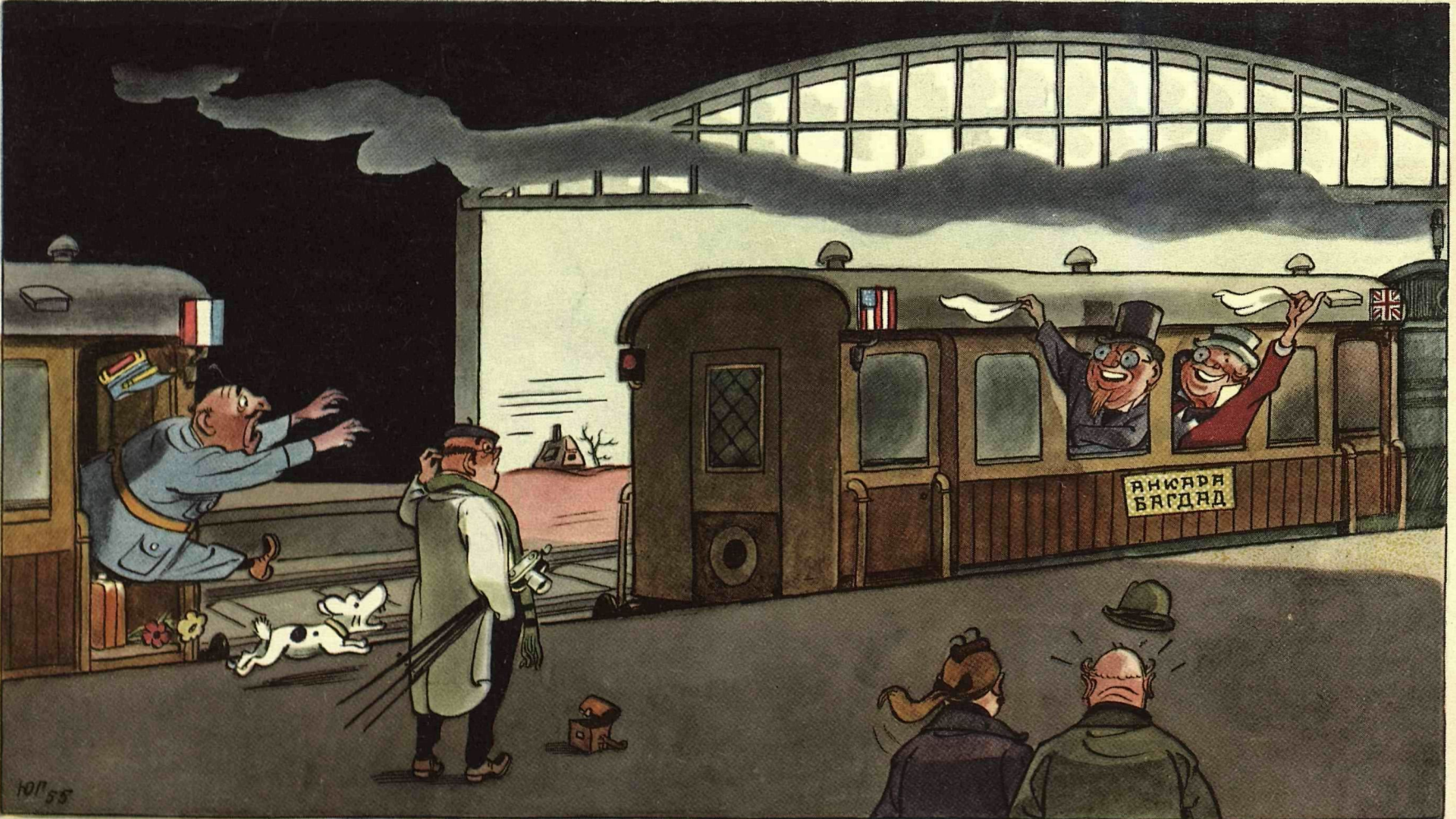
Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов. А 01807. Изд. № 256. Подписано к печати 21/III 1955 г. Формат бум. 70 × 108³/₄. Заказ № 777. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заклучение турецко-иракского военного пакта вызвало серьёзное недовольство во Франции. Французские официальные круги раздражены тем, что ни США, ни Англия не сочли нужным проконсультироваться с ними, прежде чем предпринять такой шаг.

Всесоюзная Книжная палата

Рисунок Ю. ГАНФА.

СЛУЧАЙ НА СЕВЕРО-АТЛАНТИЧЕСКОМ ВОКЗАЛЕ.

10755